

УДК-323:324

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-97-110

**ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ИЗБИРАЕМЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ
НА НЕИЗБИРАЕМЫЕ В ОПЕКУНСКИХ РЕЖИМАХ: КЕЙС РЕКРУТИРОВАНИЯ
В АССАМБЛЕЮ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ИРАНА**

И. А. Васькин

Васькин Илья Андреевич, стажёр-исследователь,
Институт Классического Востока и Античности, Центр изучения Ближнего Востока, Кавказа и Центральной Азии,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва.
E-mail: ilya.a.vaskin@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9019-6251. ResearcherID: Q-9000-2016).

Аннотация

Данное исследование посвящено анализу влияния избираемых органов на неизбираемые в опекунских режимах. Оно основано на гипотезе о том, что политический курс президента может влиять на рекрутирование одного из ключевых органов власти в Иране: Ассамблею по определению целесообразности, который де-факто является третьей палатой Парламента. Методом исследования является биографический анализ. Данная работа основана на 157 назначениях в 7 составах Ассамблеи по определению целесообразности в 1988–2017 гг. Показано, что политический курс президента влияет на рекрутирование за счёт политических реформ и расширение политического представительства разных элитных групп с дифференцированным социальным капиталом. Это влияние отражается как на общей структуре рекрутирования, так и в случаях представленности элитных групп (силовиков и духовенства), политических фракций, научных специализаций, профессий, провинциального происхождения. Изменения в социальном составе Ассамблеи связаны с политическим курсом президентов, расширением или ограничением политического участия разных групп в стране в целом. На уровне образования политический курс не отражается. Это исследование показывает, что в опекунских режимах избираемые институты более значимы, чем представлялось до этого.

Ключевые слова: опекунский режим; Ассамблея по определению целесообразности; рекрутирование элит; Иран.

Введение

Как в опекунских режимах избираемые органы власти могут оказывать влияние на неизбираемые? Опекунские режимы встречаются довольно редко, и этот тип определяется как "режимы, в которых выборы конкурентны, но власть избираемых правительств ограничена не избираемой религиозной, монархической или военной властью" (Levitsky Way, 2010: 6). Существующая литература, посвящённая опекунским режимам, касается общих принципов их функционирования (Wigell, 2008; Gilbert, Mohseni, 2011), но не затрагивает механизмов взаимодействия органов власти в политических режимах такого рода. Данное исследование ставит своей целью частично раскрыть эту тему.

В опекунских режимах существуют два уровня власти. Во-первых, верхний, контролирующий выборы и назначения и определяющий стратегическое развитие страны. Во-вторых, нижний, где существуют конкурентные выборы с непредсказуемыми результатами. Важно отметить, что институты верхнего уровня определяют, кто может участвовать в выборах, но не указывают возможного победителя.

Кейс Ирана является подходящим примером для проведения исследования. Во-первых, в Иране есть явный вето-игрок: Верховный руководитель, который определяет стратегические направления развития Исламской Республики и обладает большим количеством полномочий. В частности, он является Верховным главнокомандующим, назначает Главу судебной власти и т.д. Во-вторых, в Иране опекунский режим существует с конца 1980-х гг., когда была распущена доминирующая Ис-

ламская Республиканская Партия (1980–1987). На её место пришли большие коалиции (фракции) партий, кокусов, которые выдвигали от себя как от коалиций кандидатов в президенты, в Маджлис (Парламент), Совет экспертов (орган из 87 членов, отвечающий за избрание Верховного руководителя и контроль за его деятельностью) и в городские советы. Фракции не являются постоянными. Организации, которые входят в них, могут переходить из одной коалиции в другую, от двух коалиций могут выдвигаться одни и те же кандидаты.

Кроме того, само количество этих фракций тоже меняется. В 1979–1989 гг. их было 2: консерваторы (сторонники веляят-э факих, сильного ограничения индивидуальных свобод и гибрида традиционной и рыночной экономики) и радикальные левые (отличаются от консерваторов поддержкой госконтроля экономики и уменьшенного ограничения индивидуальных свобод). В 1989–1997 гг. их количество увеличилось до 3, добавились выделившиеся из консерваторов прагматики: сторонники рыночной экономики и уменьшенного ограничения индивидуальных свобод. В 1997 г. из радикальных левых, которые почти перестали существовать к тому моменту, выделилась реформистская фракция: она поддерживает ограничение веляят-э факих, рыночную экономику, индивидуальные свободы без ограничений. В 2005 г. от консерваторов отделилась фракция неоконсерваторов, сторонники которой поддерживают традиционную экономику и сильные ограничения индивидуальных свобод (Rakel, 2008).

Важно также отметить, что одной из особенностей Ирана является совмещение светской бюрократии и духовного управления. К ним относится, например, Администрация Верховного руководителя, в которой светские должности и духовные регулируются через общие правила самой Администрации (Boroujerdi, Rahimkhani, 2016).

В Иране также есть Наблюдательный совет, который прямо (6 исламских юристов) или косвенно (6 светских юристов, которые назначаются Главой судебной власти) назначается Верховным руководителем и является аналогом Центральной избирательной комиссии (определяет, кто из кандидатов может участвовать в выборах), а также де-факто является верхней палатой Парламента (контролирует на соответствие Конституции и нормам ислама законопроекты, предложенных Маджлисом). Одним из ключевых институтов власти является Ассамблея по определению целесообразности (далее Ассамблея). Основными функциями является консультирование Верховного руководителя Ирана, а также разрешение противоречий между Исламским консультативным советом и Наблюдательным советом в рамках веляят-э факих¹ (Sahktare Majme, 2019).

Данное исследование покажет, как политический курс, проводимый президентами, оказывал влияние на рекрутирование элит в Ассамблею. Вклад данной работы состоит в том, что она дополнит существующие представления об опекунских режимах. На данный момент считается, что в такого рода режимах основную роль играют неизбираемые органы власти, а избираемые почти не оказывают влияния (Wigell, 2008; Gilbert, Mohseni, 2011). Данное исследование уточнит картину, показав, что избираемые органы власти, в частности, президент и парламент, могут влиять на рекрутирование неизбираемых органов власти (Ассамблеи), используя даже те очень ограниченные полномочия, которые у них есть.

Для анализа составов Ассамблеи по определению целесообразности в качестве основного источника данных была использована работа "Postrevolutionary Iran: A Political Handbook" (Boroujerdi, Rahimkhani, 2018), где в том числе даны краткие биографии около 1000 представителей элит Ирана после Исламской революции, собираемые авторами около 14 лет. На основе вторичных данных из этого издания автор выбрал всех членов Ассамблеи по определению целесообразности в течение 7 составов с 1988 по 2017 гг., всего было учтено 157 назначений. В качестве основных факторов рекрутирования использовались возраст, принадлежность к духовенству, служба в Корпусе стражей Исламской революции, провинциальное происхождение, образование, профессия до вхождения в состав

¹ Веляят-э факих является официальной идеологией Исламской республики Иран. Согласно ей, в эпоху Большого сокрытия двенадцатого имама Мухаммада аль-Махди шиитов должен возглавлять компетентный шиитский юрист (факих). Согласно официальной идеологии, это естественное продолжение традиционной шиитской юриспруденции. В свою очередь, исследователи отмечают в этой доктрине разрыв с традиционным шиизмом (напр. Mavani, 2001). Вместе с тем существуют разные интерпретации этой доктрины: Верховный руководитель может интерпретироваться как царь-философ-мистик из неоплатонической традиции (Martin, 2000; Dabashi, 1993) или как суверен в гоббсианском понимании этого термина (Namazi, 2019). Кроме того, с точки зрения, реформаторски настроенной части иранского духовенства веляят-э факих является не абсолютным, а ограниченным демократическими практиками (Hossainzadeh, 2014). С основными аргументами дискуссии можно ознакомиться в соответствующей статье Расула Намази (Namazi, 2019).

элиты, политическая принадлежность. Все доли были округлены до целых процентов, т.к. доли процентов для данного исследования не играют значимой роли.

Данное исследование основано на структурно-биографическом методе. Все биографии были стандартизованы по критериям принадлежности к духовенству, службе в Корпусе стражей Исламской Революции, политической принадлежности, образованию, профессии до входа в элиту, провинциальному происхождению. Далее они были сопоставлены по всем составам Ассамблеи. Эти критерии позволяют уловить влияние политического курса президентов на рекрутирование в Ассамблею.

Политические институты Ирана

Президент

Президент в Иране является главой исполнительной власти. С точки зрения распределения полномочий историю этого института можно разделить на две части: 1980–1989 гг. и с 1989 г. Во время первого периода сосуществовало два высших органа исполнительной власти: президент и премьер. Президент скорее был номинальной фигурой, а премьер был главой правительства. Однако в связи с внутриэлитным конфликтом и блокированием деятельности основных институтов власти в конце 1980-х (Ghiabi, 2019), во время конституционной реформы 1989 г. должность премьера была упразднена, а президент стал и главой правительства, и главой исполнительной власти одновременно.

Президент отвечает в первую очередь за операционную и административную деятельность, а также представляет Иран в международных отношениях. Кроме того, каждый президент создаёт своё правительство, которое достаточно сильно отличается от предыдущих.

С 1980 г. в Иране сменилось 7 президентов. Абольхасан Банисадр был первым президентом, избранным в 1980 г. Однако он ушёл в 1981 г. в изгнание из-за конфликта с Рухолой Хомейни, бывшим тогда Верховным руководителем Ирана (1979–1989). На его место пришёл Али Раджаи, который был убит в течение месяца после своего избрания в августе 1981 г. Все последующие президенты избирались ровно на 2 срока по 4 года. Али Хаменеи был президентом в 1981–1989 гг., а после смерти Аятоллы Хомейни сам стал Верховным руководителем Ирана. Президентство Акбара Хашеми-Рафсанджани пришлось на 1989–1997 г., он представлял прагматическую фракцию духовенства, при нём произошло частичное разгосударствление экономики, либерализация торговли и т.д. Его продолжателем стал реформатор Мохаммад Хатами (1997–2005), при котором продолжилось развитие внутреннего рынка, либерализация СМИ, расширилось общение с США и Европой, частично были сняты санкции, было создано большое количество новых партий, впервые стали проводиться выборы в городские советы, была инициирована дискуссия о верховенстве права в Иране. При неоконсервативном Махмуде Ахмадинежаде (2005–2013) усилились конфронтация с США, репрессии, было закрыто большое количество СМИ, открытых при Хатами. При прагматике Хассане Роухани (с 2013 г.) произошла частичная нормализация отношений с США, жёсткость политической борьбы была смягчена.

Ассамблея по определению целесообразности

На данный момент есть две точки зрения как можно анализировать Ассамблею. Во-первых, она может рассматриваться узко как третья палата иранского Парламента, которая отвечает за разрешение конфликтов между первой и второй палатами (Naini, 2006). Во-вторых, она также может описываться как один из ключевых правящих институтов, который имеет абсолютную после Верховного руководителя власть в ситуации кризиса (Ghiabi, 2019). Оба этих подхода дополняют друг друга, т.к. первый позволяет увидеть юридический аспект этого института, а второй – анализирует его с фукистской точки зрения на безопасность.

Вопрос о причинах возникновения Ассамблеи является дискуссионным. Согласно Асгару Ширази, неформально она существовала с 1981 г. для решения самых важных политических вопросов (Schirazi, 1997). Гияби объясняет её возникновение через концепт "кризиса", в котором Иран находится постоянно с 1979 г., также связывая с формированием нового государства в условиях Ирано-Иракской войны 1980–1988 гг. (Ghiabi, 2019). Кроме того, как он отмечает, в 1980-е гг. законопроекты реформаторского по своей деятельности Парламента часто ветировались консервативным Наблюдательным Советом¹, в результате чего к 1986 г. законодательный процесс замер. Ассамблея

¹ Наблюдательный Совет представляет собой избираемый орган власти, состоящий из 6 факихов и 6 светских юристов. Факихи назначаются напрямую Верховным руководителем Ирана, светские юристы – Главой судебной власти Ирана,

была создана как временный орган в 1986 г (Ghiabi, 2019). В 1987 г. Судебная власть, Парламент и Совет стражей Конституции вместе обратились к Верховному руководителю, чтобы разрешить кризис законотворчества. В итоге для решения этой коллизии аятолла Рухолла Хомейни предписал создать Ассамблею как постоянный орган власти и увязал эту реформу с конституционной, которая должна была произойти в 1989 г. Следует отметить, что в 1989 г. Рухолла Хомейни умер, а его место занял Али Хаменеи, являющийся Верховным руководителем Ирана до сих пор. Также есть точка зрения, что это связано с ростом влияния бюрократов и технократов в госаппарате, увеличением роли умеренных и ослаблением консерваторов (Valibegi, 1993).

Согласно новой версии Конституции, в структуре органов власти создавалась Ассамблея. Кроме того, усиливалась власть президента за счёт демонтажа должности премьер-министра, а Верховный руководитель должен был быть в первую очередь политиком, а не религиозным деятелем (Paran-Martin, 2014; Ghiabi, 2019). Следует также отметить что конституционная реформа означала секуляризацию политической жизни Ирана в ряде аспектов: члены Ассамблеи не обязательно должны быть духовными лицами, Верховный руководитель сам решает, какие законы соответствуют шариату, а какие нет; в целом она ставила национальные интересы выше религиозных (Namazi, 2019). Таким образом, можно говорить о самосекуляризации исламского государства, возглавляемого фактиком (Matsunaga, 2009, Ghamari-Tabrizi, 2013).

Ассамблея состоит из президиума, секретариата, шести постоянных комиссий, а также Центра стратегических исследований, который до 2017 г. действовал как исследовательский центр при ней. У каждой комиссии есть постоянный председатель, заместитель и секретарь. Также есть четыре специализированных комитета, функционирующих под контролем Секретариата Ассамблеи (Sakhtare Majme, 2019). Мазьяр Гияби также считает Ассамблею "ареной конфронтации ядра исламской республики" (Ghiabi, 2019: 10), т.к. при обсуждении каждой проблемы присутствуют представители всех стейкхолдеров, а сама дискуссия часто превращается в ожесточённые дебаты. Сами по себе дискуссии способствуют проведению реформ, несмотря на то, что Ассамблея изначально является консервативным по своему составу институтом, о чём будет сказано далее.

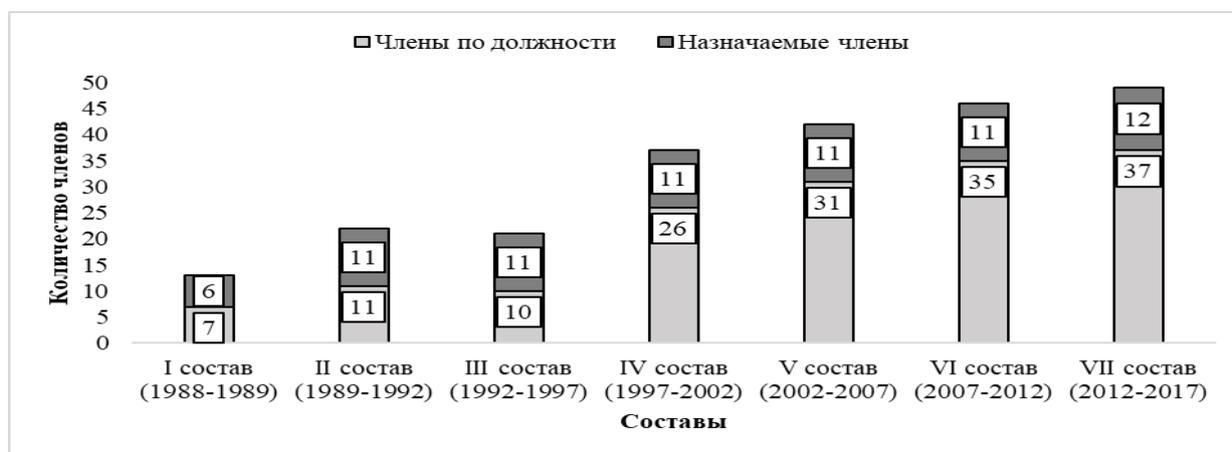

Рис. 1. Структура составов Ассамблеи по определению целесообразности, 1988–2017 гг.

С 1989 г. она также была несколько раз реструктурирована. Состав Ассамблеи определяется Верховным руководителем Ирана. Она состоит из двух групп: членов по должности и естественных членов. Членами по должности являются 6 духовных членов Совета стражей Конституции (с I состава), главы трёх ветвей власти и представитель соответствующей комиссии Парламента (со II состава), соответствующий министр (с VI состава), секретарь Совета безопасности (с VII состава). Членов назначает напрямую Верховный руководитель. Динамика численности составов и соотношения этих двух групп (см. Рис. 1) отражают структурные изменения в этом институте, а также силу других властных институтов. Так, изначально большую роль в нём играл Наблюдательный совет, что отражается в постоянном присутствии 6 его членов в составе Ассамблеи. При этом, несмотря на изначально направленность Ассамблея на разрешение противоречий между этим институтом и Парла-

который также назначается напрямую Верховным руководителем. Его основной функцией является проверка на соответствие нормам ислама и конституции всех законопроектов, предлагаемых парламентом (Naini, 2006).

ментом, своего представителя в ней Парламент получил во II составе. Это может быть связано с тем, что оба Верховных руководителя являются консерваторами, а Парламент чаще выступает с реформаторских позиций (Akhavi-Poor, Azodanloo, 1998).

Важно также отметить рост количества естественных членов. Если в I составе их было 7, во II и III – 11 и 10, то далее происходит значительное увеличение их количества до 26 в IV, и далее в каждом составе появлялось 5 ± 1 дополнительных естественных членов, достигнув 37 в VII. Этот тренд может отражать увеличение представительства разных групп интересов в составе Ассамблеи. Следует также сказать, что рост количества членов приходится на период институционализации и появления новой политической фракции (отделение реформаторов от прагматиков) и либерализацию режима при президенте Мохаммаде Хатами и в целом на повышение конкуренции внутри иранской политической системы (Arjomand, 2000; Rakel, 2008; Razavi, 2010). Сохранение этого тренда при президенте Махмуде Ахмадинежаде может быть также объяснено появлением отделившейся от консерваторов фракции неконсерваторов (Rakel, 2008).

В целом Ассамблея является одним из ключевых институтов власти в Иране, отвечающим за принятие важнейших решений в случае кризисов, а также обеспечивающим взаимодействие разных фракций внутри себя.

Исследования рекрутирования элит

Исследования рекрутирования элит в схожие институты в других странах пока не проводились. Тем не менее, следует отметить, что для стран Европы и Америки характерно привлечение выходцев из институтов гражданского общества и партий (Blondel, Thiebault, 1991; Page, Wright, 1999; Dowding, Dumon, 2014). В Восточной Азии (Rothacher, 1993; Zang, 2003; Barr, 2014) большую роль играют клановые структуры, однако для «азиатских тигров» значимо также образование. Для стран Ближнего и Среднего Востока в целом на уровне правительств значимыми факторами являются патримониализм, образование и принадлежность к среднему классу, армия, происхождение (Szyliowicz, 1971; Faksh, 1976; Assiri, Al-Monoufi, 1988; Sayari, Bilgin, 2011)

Исследования иранских элит, в свою очередь, довольно разнообразны. Одни освещают структуры власти (Buchta, 2000), указывая на разделение формального и неформального управления. При этом неформально наиболее влиятельными людьми является ближний круг Верховного руководителя.

Другая большая группа фиксирует внутриэлитные размежевания в Иране: идеологические (Akhavi, 1987; Malek, 1989; Behrooz, 1991; Rakel, 2008), структурные (Golkar, 2016), клановые (Мамедова, 2016), показывая разнообразие и эволюцию фракций и групп интересов в Иране. С одной стороны, они фиксируют отношения между самими фракциями, с другой – обращают внимание на более широкие элитные группы: духовенство, технократов и военных. К ним примыкают исследования интеллектуальных групп внутри иранской элиты (Khosrokhavar, 2001, Kamrava, 2008), освещающие эволюцию и появление новых взглядов у иранской элиты.

Кроме того, ряд исследований также частично охватывает депутатский корпус (Vakili-Zad, 1994; Vaktiari, 1996; Alem, 2011), отмечая рост доли депутатов с учёными степенями и уменьшение доли духовенства в созывах парламентов.

В целом эти работы проливают свет на иранские элиты с точки зрения её структуры, но довольно слабо анализируют её состав.

Исходя из всего вышесказанного, гипотеза исследования следующая:

H1: разнообразие составов Ассамблеи коррелирует с политическим курсом, проводимым президентом Ирана в соответствующий период.

В данном исследовании будет использован период 1989–2017, т.к. в 1989 г. умер Верховный руководитель Хомейни (1979–1989), и на его место пришёл Верховный руководитель Хаменеи (1989–...), а также был проведён Конституционный референдум, значение которого описано выше. Дополнительным фактором легитимации данного периода является сохранение в должности аятоллы Хаменеи как Верховного руководителя и вето-игрока в политической системе Исламской республики. Он, с одной стороны, так или иначе контролировал отбор кандидатов в кандидаты в президенты, а с другой – напрямую назначал членов Ассамблеи. Соответственно, объяснить изменения составов Ассамблеи через смену личности, определявшую их, становится невозможно.

Важно также уточнить, как эту гипотезу следует понимать. Под "разнообразием" подразумевается вариация социального капитала в составах Ассамблеи: образование, профессиональный опыт

и т.д. На практике это должно выглядеть следующим образом. В период президентства Хашеми-Рафсанджани (1989–1997) произошло частичное "раскрытие" политической системы страны, расширилось политическое представительство элитных групп. Соответственно, составы Ассамблеи должны, согласно ожиданиям, быть более разнообразными, чем во время I состава (1988–1989). При Мохаммаде Хатами (1997–2005), который провёл ещё более значимые либеральные реформы, представительство разных элитных групп должно расшириться ещё больше. В период Махмуда Ахмадинежада (2005–2013) произошло ограниченное "закрывание" политической системы Ирана. Однако он не мог отменить большую часть реформ Хатами, потому при нём лишь усилились консерваторы, от которых отделилась фракция неоконсерваторов, потому уместно ожидать увеличения доли представителей этой фракции в Ассамблее при сохранении остальных характеристик близких к Хатами. Политика Хасана Роухани (2013–...) отличается умеренностью, и потому по структуре состав Ассамблеи, частично совпадающий с его периодом, должен быть похож на составы при Хашеми-Рафсанджани.

Духовенство и ветераны КСИР

В послереволюционном Иране основную роль играют две ключевые политические корпорации: духовенство и Корпус стражей Исламской революции. Они отражают две основные, помимо технократов, элитные группы Ирана: собственно духовенство и силовиков. Соответственно, доля членов Ассамблеи, принадлежащих к одной из этих корпораций, показывает их влияние на саму Ассамблею. Кроме того, они формируют специфические габитусы, о чём будет сказано ниже.

Шиитское духовенство, несмотря на идеологические разногласия (Rakel, 2008), является относительно единой корпорацией (Schahgaldian, 1989). Оно объединено единой системой обучения в семинариях, общими практиками. Такими практиками являются *раздари* (секретность), *такия* (благоразумное скрывание своей веры), *танфия* (рассудительное бездействие), *челе* (сорокодневный цикл, в течение которого духовное лицо исключает себя из повседневных дел) (Schahgaldian, 1989). Эти практики сплачивают шиитское духовенство и отделяют его от остальных социальных структур.

Степень его присутствия может отражать роль этой корпорации в принятии решений, оно отвечает за стратегическое управление в Исламской республике (Tamadonfar, 2001). Ряд должностей по закону могут занимать только клирики: Верховный руководитель, часть его администрации (Vogoujerdi, Rahimkahni, 2016), 6 из 12 юристов Совета стражей Конституции. В целом оно является крайне влиятельной корпорацией этой страны.

Корпус стражей Исламской революции является институтом, созданным уже после Исламской революции. КСИР является военной организацией, непосредственно подчиняется Верховному руководителю Ирана. Его официальной целью является защита Исламской революции в Иране и её завоеваний. Он имеет очень большое влияние на принятие политических решений в Иране (Najdi, Karim, 2012). Под влиянием КСИР находится большое количество компаний, по факту в стране построена параллельная экономика, основанная на организациях, подконтрольных этой корпорации (Forozan, Shahi, 2017). Её объединяют Ирано-Иракская война и общие традиции, свойственные тотальным институтам подобного рода (Ostovar, 2016).

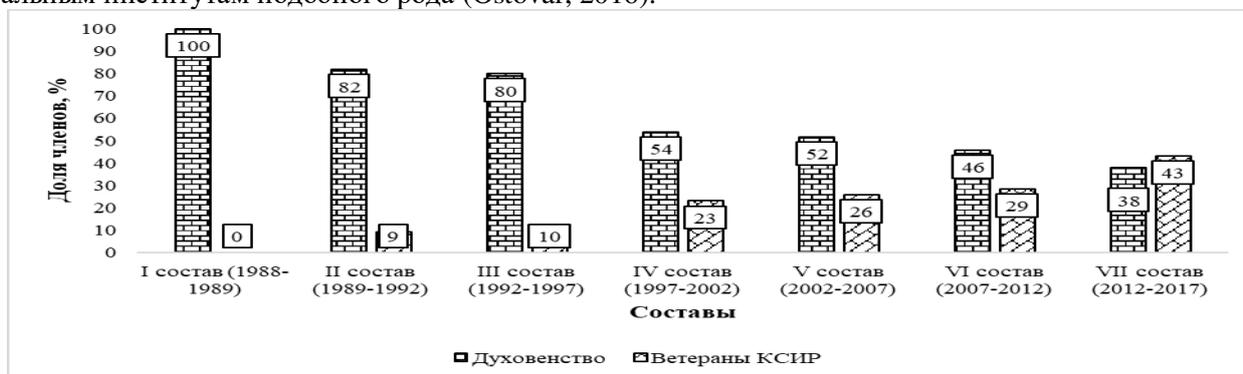

Рис. 2. Духовенство и ветераны КСИР в составе Ассамблеи по определению целесообразности, 1988–2017 гг.

Примечание: столбцы в сумме могут быть более 100%, т.к. часть членов Ассамблеи могут быть одновременно духовенством и ветеранами КСИР.

Исходя из анализа составов Ассамблеи, можно сделать вывод о постепенном замещении духовенства силовиками (

Рис. 2). Вместе с тем при Хашеми-Рафсанджани усиление КСИР было медленным, при этом начиная с первого срока Хатами иранские силовики начали замещать духовенство куда более активно, что связано с недовольством консервативной части иранской элиты после победы Хатами на президентских выборах (Lob, 2020). Таким образом, в случае этого критерия можно говорить о том, что президентский политический курс повлиял на рекрутирование духовенства и ветеранов КСИР в Ассамблею.

Политические фракции

Представленность политических фракций в составе Ассамблеи может отражать их роль в принятии политических решений в стране в целом. Фракции сами по себе очень сильно различаются во взглядах: если консерваторы и неоконсерваторы выступают за поддержку традиционной экономики, отказ от реформ режима веляят-э факих, автаркию, то умеренные и реформаторы больше ориентированы на интеграцию в глобальный мир, проведение либеральных по своей сути реформ, внедрение верховенства права в стране. Отдельно следует отметить фракцию радикальных левых, существовавшую в 1979–1989 гг.: она в целом была близка к рыночникам-консерваторам, однако в отличие от них поддерживала госконтроль над экономикой (Rakel, 2008: 70). Также необходимо добавить, что фракции в Иране достаточно условны, один и тот же человек может быть близок по взглядам к разным, из-за чего реальное соотношение может отличаться от представленного далее.

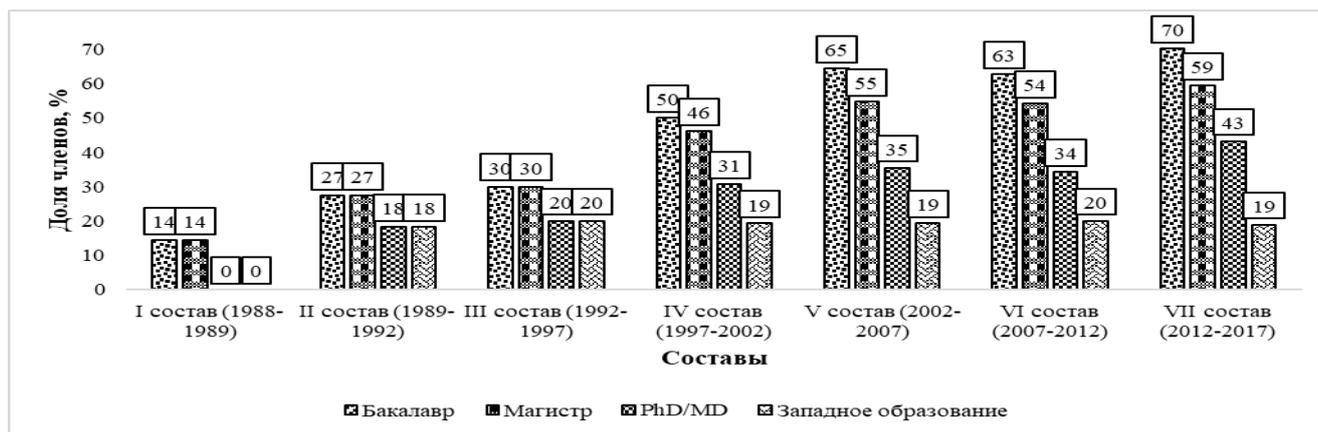
Рис. 3. Представленность политических фракций Ассамблеи по определению целесообразности, 1988–2017 гг.

Динамика состава Ассамблеи (см. Рис. 3) в целом отражает усиление консерваторов и неоконсерваторов и ослабление остальных фракций. При Хашеми-Рафсанджани составы были относительно стабильными, с преобладанием консерваторов (60–64%), а при Хатами и далее доля консерваторов значительно выросла, колеблясь до 80%, что также поддерживает аргумент о недовольстве консерваторов политикой Хатами.

Образование

Ещё одним важным фактором рекрутирования является образование. В данной статье оно будет освещено с трёх сторон: степень, научная специализация, наличие западного образования, семинария (для духовенства).

Наличие степеней показывает общий уровень образования элиты, а также косвенно отражает уровень образования конститuentов политических институтов (Wakeling, Savage, 2015; Harris, 2017). Кроме того, оно влияет на поведение элит в процессе принятия решений, участия в публичной политике и т.д. (Searing, 1969).

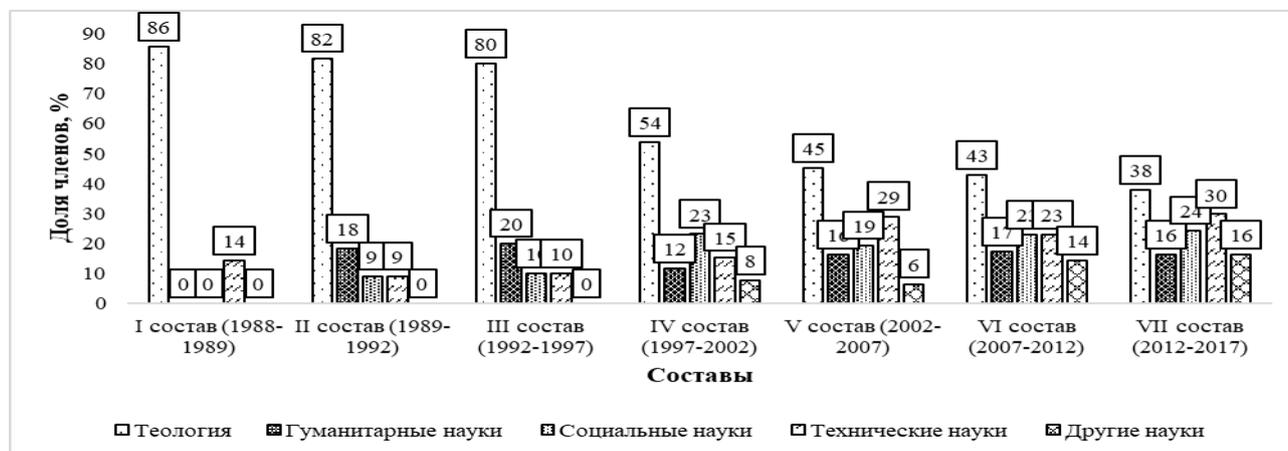
Рис. 4. Распределение членов Ассамблеи по определению целесообразности по академическим степеням и местам получения образования, 1988–2017 гг.

Примечание: под западным образованием подразумевается получение как минимум 1 степени в странах Западной Европы, Северной Америки, а также Австралии, Новой Зеландии.

Как показывают результаты (см. рис. 4), с каждым составом росла представленность людей с высшим образованием, при этом также увеличивалось количество членов с более высокими степенями. Если в первом составе было всего 14% бакалавров-магистров, то в седьмом их количество сильно выросло: на весь состав – 70% бакалавров, 59% магистров и 43% PhD. Этот тренд также совпадает с изменением созывов парламентов Ирана, где наблюдается схожая динамика (Harris, 2017).

Тут важно отметить, что на уровне образования политический курс не влияет, эта динамика отражает лишь общие изменения в стране, связанные с повышением уровня образованности граждан.

Также важным фактором, с точки зрения рекрутирования элит, является научная специализация. Материалы США и Европы показывают наличие вариации в поведении элит с разным образованием: техническое и экономическое образование способствуют более консервативному поведению, в противовес праву, гуманитарным и социальным наукам (Ladd, Lipset, 1972; Putnam, 1977).

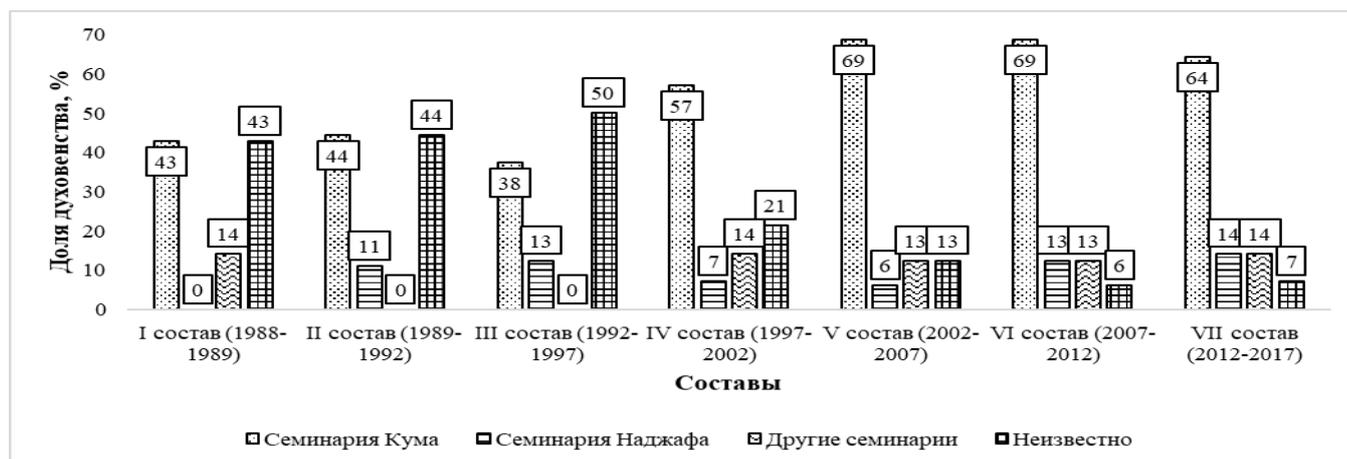
Рис. 5. Распределение членов Ассамблеи по определению целесообразности по научным специализациям, 1988–2017 гг.

Примечание: сумма столбцов в каждом составе может быть больше 100, т.к. учитывалось наличие соответствующих специализаций у каждого члена Ассамблеи по отдельности.

Анализ составов Ассамблеи (рис. 5) показывает, что доля членов Ассамблеи с теологическим образованием была относительно стабильной в период Хашеми-Рафсанджани, а при Хатами и далее она стабильно уменьшалась. Эта динамика отражает изменения, связанные с политическими курсами иранских президентов.

Отдельно следует также выделить места получения образования духовенством. В данном исследовании выделены две ключевые семинарии: в Куме, и в Наджафе, Ирак, т.к. остальные почти не

представлены. Для духовенства семинарии могут играть большую роль, т.к. в зависимости от статуса специфические школы могут быть более или менее влиятельны. Кроме того, в семинариях до Исламской Революции концентрировалось оппозиционное духовенство, позже принявшее в ней участие.

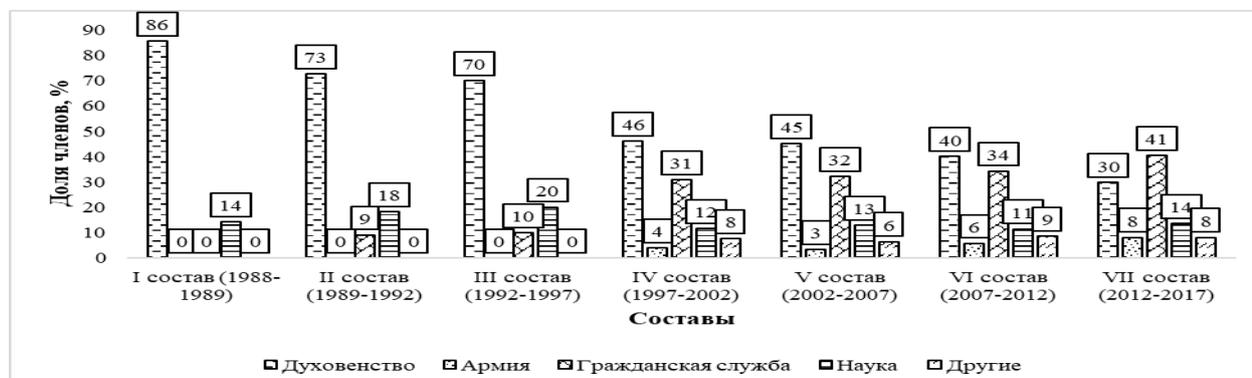
Рис. 6. Места получения образования духовенством в составе Ассамблеи по определению целесообразности, 1988–2017 гг.

Примечание: N = 84; сумма столбцов в каждом составе может быть больше 100, т.к. страна получения образования учитывалась у каждого члена Ассамблеи по отдельности.

Результаты анализа показывают, что всего две семинарии были основными источниками рекрутирования в состав Ассамблеи: семинария Кума и семинария Наджафа в Ираке. Первая является самой авторитетной семинарией в Иране, она также служила местом координации сторонников Исламской Республики в период Исламской Революции (Abrahamian, 1979). Что касается Наджафа, то в этом городе аятолла Хомейни жил в изгнании с 1964 по 1978 гг., где находился в вынужденной эмиграции и параллельно искал себе сторонников (Corboz, 2015). Семинария Наджафа также считается самой сильной за пределами Ирана. С учётом этих двух факторов почти постоянное присутствие в составе Ассамблеи выпускников семинарии Наджафа отражает роль эмиграции аятоллы Хомейни в рекрутировании элит в этот институт. Данная динамика показывает, что увеличение количества выпускников разных семинарий также приходится на период Хатами, что подтверждает Н1.

Профессия

Профессиональное происхождение также может быть значимым фактором рекрутирования элит в политические институты. Во-первых, она непосредственно влияет на политическое поведение элиты. Во-вторых, разные профессии показывают разный уровень сплоченности, легитимность и представительность (Matthews, 1984; Putnam, 1976).

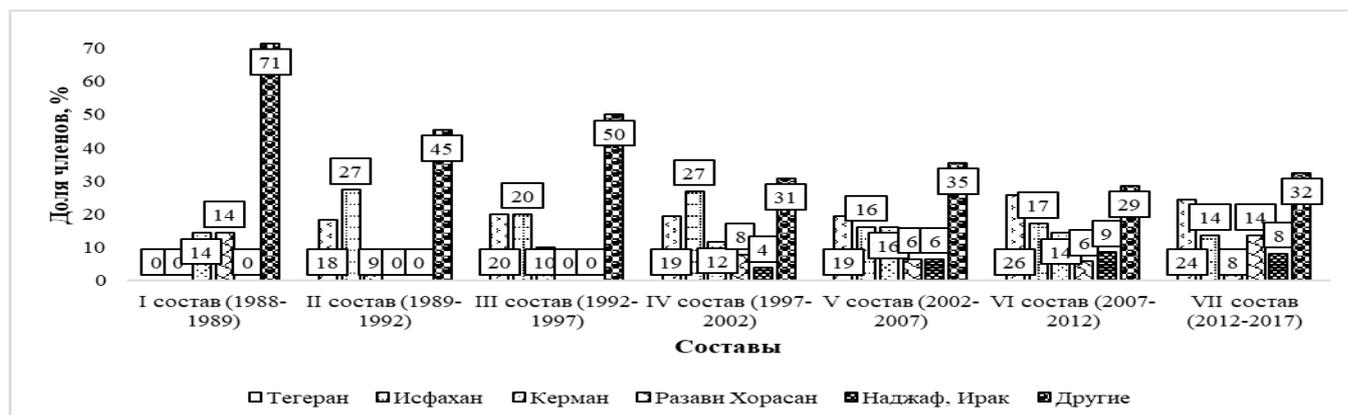

Рис. 7. Профессиональное происхождение членов Ассамблеи по определению целесообразности до входа в состав элиты, 1988–2017 гг.

Динамика профессионального происхождения членов Ассамблеи отражает несколько трендов (рис. 7). Во-первых, произошло уменьшение доли духовенства в составе Ассамблеи, что было описано выше. Во-вторых, прослеживается увеличение количества выходцев из гражданской службы. Эти изменения могут отражать контрреволюционные процессы и возрождение технократов, которые начались после 1989 г. (Harris, 2017: 220). В-третьих, заметна роль выходцев из науки, которые составляли в течение почти всех сроков вторую или третью группу по представленности. Объяснить эту динамику можно, как минимум, двумя причинами: желанием руководства страны дополнительно легитимизировать принятие решений в Ассамблее, а также усилением учёных как корпорации в связи с увеличением доли высокообразованных людей в Иране и т.н. кризиса избытка образования (overeducation) (Habibi, 2015). В-четвёртых, явно видна постепенно увеличивающаяся роль армии как одного из каналов рекрутирования начиная с четвёртого состава. Эта динамика может быть объяснена через реванш силовиков, которые воспротивились либеральным реформам президента Мохаммада Хатами, начатым с 1997 г. (Golkar, 2016), что подтверждает гипотезу исследования.

Провинция

Провинциальная представленность может отражать несколько явлений. Она может сигнализировать о парохизме и патримониальном рекрутировании в политические институты (Li, Washman, 1989). Также она может быть связана с качеством социальных лифтов: широкая представленность провинций в таком случае является сигналом об их относительной эффективности (Gaxie, 2017).

Рис. 8. Провинциальное происхождение членов Совета по определению целесообразности, 1988–2017 гг.

Динамика рекрутирования элиты с точки зрения провинциальной принадлежности (рис. 8) свидетельствует о повышении роли конкретных регионов. Основными являются Тегеран, Исфахан, Керман, Разави Хорасан и Наджаф, Ирак. Тегеран и Исфахан представляют из себя столичные регионы¹. Наличие Разави Хорасана в списке основных провинций, откуда происходило рекрутирование в Ассамблею, может отражать роль первого председателя Ассамблеи аятоллы Хаменеи, который сам также родом из этой провинции. Значимая роль Наджафа может быть объяснена эмиграцией аятоллы Хомейни, который, находясь там, искал себе сторонников (Corboz, 2015). Из Кермана, в свою очередь, происходит Акбар Хашеми-Рафсанджани, бывший президентом Ирана в 1989–1997 гг. и председателем Ассамблеи в 1989–2017 гг.

Преобладание в первом составе выходцев из Кермана и Хорасана может интерпретироваться как патримониальное рекрутирование, связанное с тем, что люди, помогавшие принимать ключевые решения по рекрутированию, сами происходили из соответствующих провинций. Во второй и третий состав включались в основном представители столиц, что может быть связано с общей технократизацией государства, начиная с 1989 г. С 1997 г. происходит расширение состава Ассамблеи и либерализация, что позволяет включать в её состав большее количество представителей разных групп, благодаря чему в ней сохраняется группа выходцев из столиц, снова появляются патримониально рекрутированные члены, а также увеличивается роль сторонников Хомейни, которых он привёз с собой из

¹ Исфахан был столицей Персии с 1598 по 1722 гг.

Ирака после Исламской Революции. Эта динамика также подтверждает гипотезу об увеличении разнообразия в период Хатами.

Заключение

Данное исследование анализирует механизмы возможного влияния избираемых органов власти на неизбираемые в опекунских режимах на примере Ассамблеи по определению Ирана. Оно показывает, что избираемые органы власти (в данном случае президент) могут ограниченно влиять на рекрутирование в неизбираемые органы, используя свой политический курс. Это влияние отражается как на общей структуре рекрутирования, так и в случаях представленности элитных групп (силовиков и духовенства), политических фракций, научных специализаций, профессий, провинциального происхождения. На уровне образования политический курс не отражается.

Что важно, ключевые изменения в рекрутировании элит в Ассамблею происходили в периоды либерализации, проводником которой выступали президенты. В период "консервации" при Ахмадинежаде тренды рекрутирования оставались теми же самыми, что были заложены при Хатами. Однако с точки зрения рекрутирования силовиков, духовенства и политических фракций эти тренды были скорее оппозиционны политике либерализации. Вместе с тем с точки зрения социального капитала самих членов Ассамблеи они скорее отражали успехи этой политики: увеличилось разнообразие членов по образованию, профессии, провинциальному происхождению.

Это исследование вносит вклад в теорию политических режимов, т.к. показывает, что опекунские режимы являются более сложными, чем это может показаться. Оно дополняет существующую литературу, показывая, что избираемые органы власти, несмотря на все ограничения опекунских режимов, являются значимыми институтами, и они сами могут влиять на неизбираемые органы власти.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена по результатам исследования в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Список литературы / References

- Мамедова, Н. М. (2016) 'Иран: особенности формирования политической элиты', *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*, 1, сс. 121–127. [Mamedova, N. M. (2016) 'Iran: Features of the Political Elite Formation' [Iran: osobennosti formirovaniya politicheskoy elity], *Vostok/Oriens*, 1, pp. 121–127 (In Russ.)].
- Abdolmohammadi, P., Cama, G. (2015) 'Iran as a Peculiar Hybrid Regime: Structure and Dynamics of the Islamic Republic', *British Journal of Middle Eastern Studies*, Vol. 42, 4, pp. 558–578.
- Abrahamian, E. (1979) 'Iran in the Revolution: The Opposition Forces', *Middle East and Research Information Project*, 75/76, pp. 3–8.
- Akhavi, S. (1981) 'Elite Factionalism in the Islamic Republic of Iran', *Middle East Journal*, Vol. 41, 2, pp. 181–201.
- Akhavi-Poor, H., Azodanloo, H. (1998) 'Economic bases of political factions in Iran', *Critique: Journal for Critical Studies of the Middle East*, Vol. 7, 13, pp. 69–82.
- Alem, Y. (2011) *Duality by Design: The Iranian Electoral System*. Washington, D.C.: International Foundation for Electoral Systems.
- Arjomand, S. A. (2000) 'Civil Society and the Rule of Law in the Constitutional Politics in Iran under Khatami', *Social Research*, Vol. 67, 2, pp. 283–301.
- Assiri, A.-R., Al-Monoufi, K. (1988) 'Kuwait's Political Elite: The Cabinet', *Middle East Journal*, Vol. 42, 1, pp. 48–58.
- Baktiari, B. (1996) *Parliamentary Politics in Revolutionary Iran: The Institutionalization of Factional Politics*. University Press of Florida.
- Barr, M. (2014) *The ruling elite of Singapore: Networks of power and influence*. IB Tauris.
- Beeman, W. O. (2013) 'Iran's Islamic Republic' in: Esposito, J. L., Shahin, E.E. (eds.) *The Oxford Handbook of Islam and Politics*. Oxford: Oxford University Press, pp. 399–410.

- Behrooz, M. (1991) 'Factionalism in Iran under Khomeini', *Middle Eastern Studies*, Vol. 27, 4, pp. 597–614.
- Blondel, J., Thiébaud, J.-L. (eds.) (1991) *The Profession of Government Minister in Western Europe*. London: Macmillan.
- Boroujerdi, M., Rahimkhani, K. (2016) 'The Office of the Supreme Leader: Epicenter of a Theocracy' in: Brumberg, D., Farhi, F. (eds.) *Power and Change in Iran: Politics of Contention and Conciliation*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, pp. 135–165.
- Boroujerdi, M., Rahimkhani, K. (2018) *Postrevolutionary Iran. A Political Handbook*. Syracuse, New York: Syracuse University Press.
- Buchta, W. (2000) *Who Rules Iran? The structure of Power in the Islamic Republic*. Washington: The Washington Institute for Near East Policy, Konrad Adenauer Stiftung.
- Corboz, E. (2015) 'Khomeini in Najaf: The Religious and Political Leadership of an Exiled Ayatollah', *Die Welt des Islams*, Vol. 55, 2, pp. 221–248.
- Dabashi, H. (1993) *Theology of Discontent: The Ideological Foundation of the Islamic Revolution in Iran*. New York: New York University Press.
- Dowding, K., Dumont, P. (eds.) (2014) *The Selection of Ministers around the World*. New York: Routledge.
- Faksh, M. A. (1976) 'Education and Elite Recruitment: An Analysis of Egypt's Post-1952 Political Elite', *Comparative Education Review*, Vol. 20, 2, pp. 140–150.
- Forozan, H., Shahi, A. (2017) 'The Military and the State in Iran: The Economic Rise of the Revolutionary Guards', *The Middle East Journal*, Vol. 71, 1, pp. 67–86.
- Gaxie, D. (2017) *Political and Social Backgrounds of Political Elites*. The Palgrave Handbook of Political Elites. Palgrave, pp. 489–506.
- Ghamari-Tabrizi, B. (2013) 'Women's Rights, Sharia Law, and the Secularization of Islam in Iran', *International Journal of Politics, Culture, and Society*, Vol. 26, 3, pp. 237–253.
- Ghiabi, M. (2019) 'The council of expediency: crisis and statecraft in Iran and beyond', *Middle Eastern Studies*, Vol. 55, 5, pp. 837–853.
- Gilbert, L., Mohseni, P. (2011) 'Beyond authoritarianism: The conceptualization of hybrid regimes', *Studies in Comparative International Development*, 46(3), p. 270.
- Golkar, S. (2016) 'Configuration of Political Elites in Post-revolutionary Iran', *Brown Journal of World Affairs*, Vol. 23, 1, pp. 281–292.
- Habibi, N. (2015) *Iran's Overeducation Crisis: Causes and Ramifications. Middle East Brief*. No. 89. URL: <https://www.brandeis.edu/crown/publications/meb/MEB89.pdf>.
- Hossainzadeh, N. (2014) 'Ruholla Khomeini's Political Thought: Elements of Guardianship, Consent, and Representative Government', *Journal of Shi'a Islamic Studies*, Vol. 7, 2, pp. 129–150.
- Kamrava, M. (2008) *Iran's Intellectual Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Khosrokhavar, F. (2001) 'Neo-conservative intellectuals in Iran', *Critique: Journal for Critical Studies of the Middle East*, Vol. 10, 19, pp. 5–30.
- Ladd, E. C. Jr., Lipset, S. M. (1972) 'Politics of Academic Natural Scientists and Engineers', *Science*, Vol. 176, 4039, pp. 1091–1100.
- Le Vine, V. T. (1968) 'Political Elite Recruitment and Political Structure in French-Speaking Africa', *Cahiers d'Études Africaines*, Vol. 8, 31, pp. 369–389.
- Li, Ch., Bachman, D. (1989) 'Localism, Elitism, and Immobilism: Elite Formation and Social Change in Post-Mao China', *World Politics*, Vol. 42, 1, pp. 64–94.
- Levitsky, S., Way, L. (2010) *Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes After the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lob, E. (2020) *Iran's Reconstruction Jihad: Rural Development and Regime Consolidation after 1979*. Cambridge University Press.
- Malek, M. H. (1989) 'Elite factionalism in the post-revolutionary Iran', *Journal of Contemporary Asia*, Vol. 19, 4, pp. 435–460.
- Martin, V. (2000) *Creating an Islamic State: Khomeini and the Making of a New Iran*. London: Tauris.
- Matsunaga, Y. (2009) 'The Secularization of a Faqih-Headed Revolutionary Islamic State of Iran: Its Mechanisms, Processes, and Prospects', *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*, Vol. 29, 3, pp. 468–482.
- Matthews, D. R. (1984) 'Legislative Recruitment and Legislative Careers', *Legislative Studies Quarterly*, Vol. 9, 4, pp. 547–585.

- Mavani, H. (2001) 'Analysis of Khomeini's Proofs for al-Wilaya al-Mutlaqa (Comprehensive Authority) of the Jurist' in: Walbridge, L. S. (ed.) *The Most Learned of the Shi'a: The Institution of the Marja' al-Taqlid*, pp. 183–210. New York: Oxford University Press.
- Mozaffari, M. (1993) 'Changes in the Iranian Political System after Khomeini's Death', *Political Studies*, Vol. 41, 4, pp. 611–617.
- Najdi, Y., Karim, M. A. B. A. (2012) 'The Role of the Islamic Revolutionary Guards Corps (IRGC) and the Future of Democracy in Iran: Will Oil Income Influence the Process?', *Democracy and Security*, Vol. 8, 1, pp. 72–89.
- Naini, M. (2006) 'Iran's second chamber? The guardian council', *The Journal of Legislative Studies*, Vol. 12, 2, pp. 198–222.
- Namazi, R. (2019) 'Ayatollah Khomeini: From Islamic Government to Sovereign State', *Iranian Studies*, Vol. 52, 1–2, pp. 111–131.
- Ostovar, A. (2016) *Vanguard of the Imam: Religion, Politics, and Iran's Revolutionary Guards*. Oxford: Oxford University Press.
- Putnam, R. D. (1976) *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Randjbar-Daemi, S. (2013) 'Building the Islamic State: The Draft Constitution of 1979 Reconsidered', *Iranian Studies*, Vol. 46, 4, pp. 641–663.
- Page, E. C., Wright, V. (1999) *Bureaucratic Elites in Western European States: A Comparative Analysis of Top Officials*. Oxford: Oxford University Press.
- Papan-Martin, F. (translator) (2014) 'The Constitution of the Islamic Republic of Iran (1989 Edition)', *Iranian Studies*, Vol. 47, 1, pp. 159–200.
- Putnam, R. D. (1977) 'Elite Transformation in Advance Industrial Societies: An Empirical Assessment of the Theory of Technocracy', *Comparative Political Studies*, Vol. 10, 3, pp. 383–411.
- Rakel, E. P. (2008) *The Iranian Political Elite, State and Society Relations, and Foreign Relations since the Islamic Revolution*. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam.
- Razavi, R. (2010) 'The Road to Party Politics in Iran', *Middle Eastern Studies*, Vol. 46, 1, pp. 79–96.
- Rothacher, A. (1993) *The Japanese power elite*. Springer.
- Sakhtare Majme (2019) *Council Structure*. URL: <http://www.maslahat.ir/index.jsp?fkeyid=&siteid=3&pageid=409> (дата обращения: 20.07.2019).
- Sayari, S., Bilgin, H. D. (2011) 'Paths to Power: The Making of Cabinet Ministers in Turkey', *Parliamentary Affairs*, Vol. 64, 4, pp. 737–762.
- Searing, D. (1969) 'The Comparative Study of Elite Socialization', *Comparative Political Studies*, Vol. 1, 4, pp. 471–500.
- Schahgaldian, N. B. (1989) *The Clerical Establishment in Iran*. RAND Corporation
- Schirazi, A. (1997) *The Constitution of Iran: Politics and the State in the Islamic Republic*. London: I. B. Tauris.
- Shannon, M. (2015) 'American-Iranian Alliances: International Education, Modernization, and Human Rights during the Pahlavi Era', *Diplomatic History*, Vol. 39, 4, pp. 661–688
- Tamadonfar, M. (2001) 'Islam, Law, and Political Control in Contemporary Iran', *Journal for the Scientific Study of Religion*, Vol. 40, 2, pp. 205–219.
- Tarikhe Majme. (2019) *History of the Council*. URL: <http://www.maslahat.ir/index.jsp?fk eyid=&siteid=3&pageid=421> (дата обращения: 20.07.2019).
- Vakili-Zad, C. (1994) 'Conflict among the ruling revolutionary elite in Iran', *Middle Eastern Studies*, Vol. 30, 3, pp. 618–631.
- Valibeigi, M. (1993) 'Islamic Economics and Economic Policy Formation in Post-Revolutionary Iran: A Critique', *Journal of Economic Issues*, Vol. 27, 3, pp. 793–812.
- Wakeling, P., Savage, M. (2015) 'Entry to Elite Positions and the Stratification of Higher Education in Britain', *The Sociological Review*, Vol. 63, pp. 290–320.
- Wigell, M. (2008) 'Mapping 'hybrid regimes': Regime types and concepts in comparative politics', *Democratisation*, 15(2), pp. 230–250.
- Zang, X. (2004) *Elite dualism and leadership selection in China*. Routledge.

Статья поступила в редакцию: 22.09.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 20.10.2021

Статья принята к печати: 10.11.2021

THE INFLUENCE OF THE POLITICAL COURSE OF THE ELECTED AUTHORITIES ON THE UNELECTED ONES IN TUTELARY REGIMES: THE CASE OF THE RECRUITMENT TO THE EXPEDIENCY DISCERNMENT COUNCIL OF IRAN

I. A. Vaskin

I. A. Vaskin, research trainee,

Institute of Classical Orient and Antiquity, Center for the Study of the Middle East, Caucasus and Central Asia,

National Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow.

E-mail: ilya.a.vaskin@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9019-6251. ResearcherID: Q-9000-2016).

Abstract

The study identifies the effect of the elected bodies' policies on non-elected ones in tutelary regimes. The hypothesis is that the president's policies may influence recruitment to one of the key government bodies in Iran – the Expediency Discernment Council – which is the de facto third chamber of Parliament. The study shows that the policies of the president influence recruitment through political reforms and the expansion of political representation of various elite groups with differentiated social capital. This influence is reflected both in the general structure of recruiting and by the representation of elite groups (such as security, defense and law enforcement agencies and clergy), political parties, scientific specializations, and professions of provincial origin. Changes in the social composition of the Assembly are associated with the policies of the presidents, the expansion or limitation of the political participation of different groups in the country as a whole. No policies have a significant impact on education. This study shows that elected institutions are more important in tutelary regimes than it is generally presumed.

Keywords: tutelary regime; Expediency Discernment Council; elite recruitment; Iran.

Acknowledgements: The article was prepared based on the results of research within the framework of the HSE Program of Fundamental Research and with the use of subsidies within the framework of state support of the leading universities of the Russian Federation "5-100".